

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ТАТАРСТАНА В 1920-Е ГГ.: СТРУКТУРА И ЭВОЛЮЦИЯ

Шайдуллин Р. В., доктор исторических наук

POLITICAL ELITE OF TATARSTAN IN THE 1920S: STRUCTURE AND EVOLUTION

Shaydullin R. V.

Особый интерес для современного татарствоведения представляет изучение истории формирования политической элиты в 1920-е гг., прошедшего на первое десятилетие становления и развития Татарской АССР. Руководители высших законодательных и исполнительных органов, областного партийного комитета Татарстана в тот период являлись не только главной опорой центральных структур власти на местах, но и основными проводниками социально-экономических и этнокультурных задач в республике. Проблема становления, функционирования и эволюции региональной политической элиты Татарстана в период новой экономической политики, форсированной индустриализации и насильственной коллективизации до настоящего времени не получила должного научного освещения. Заявленный период особенно интересен тем, что именно в то время происходили процессы рекрутирования и коренизации татарской политической элиты, утверждения места и роли татар в системе властных структур республики. Именно тогда татарская

элита постепенно начала обретать свой государственный суверенитет и функционировать как самостоятельная общественно-политическая сила.

С образованием Татарской АССР в мае 1920 г. в Татарстане начался процесс формирования собственной политической элиты, главным образом из представителей так называемой титульной нации, как из местных татар, так и за счет рекрутированных татар из других регионов. К примеру, С. С. Саид-Галиев, первый председатель Совнаркома ТАС-СР, был представителем Уфимской губернии, Б. Х. Мансуров, первый председатель Президиума ЦИК ТАС-СР, – Саратовской губернии. Приезжие татары, русские, евреи и представители других национальностей в 1920-е гг. занимали значительное место в составе правящей политической номенклатуры Татарстана. На процесс рекрутирования региональной элиты влияли следующие факторы:

– распад Российской империи, Гражданская война и образование татарской национальной автономии;

– изменение механизма формирования региональной власти путем системы выборов в советские органы власти, делегирования ряда властных полномочий центральных структур Татарской республике и коренизации ее государственного аппарата;

– увеличение административно-правовых, экономических и этнокультурных ресурсов республиканской власти;

– усиление этнонациональных устремлений в поиске форм борьбы с проявлениями великодержавного шовинизма и политики русификации.

Как известно, Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война и советское национально-государственное строительство привели к кардинальной смене в составе политической элиты России и ее субъектов, особенно национальных республик. На место институциональной элиты «крови», состоявшей в основном из представителей русского дворянства, пришла квазиэлита, так называемая «рабоче-крестьянская элита», напрямую руководимая партийной номенклатурой. Она рекрутировалась, главным образом, из профессиональных революционеров, партийных и советских функционеров, интеллигенции, спецов, рабочих и крестьян. Таким образом, была отброшена напрочь значительная часть представителей дворянской элиты. Произошла лишь частичная трансформация прежней элиты и адаптация ее к советским институтам.

В 1920-е гг. в Татарстане, поскольку он был аграрно-индустриальной республикой, политическая элита

большой частью была крестьянской по происхождению, номенклатурной – по роду предшествующей деятельности, авторитарно-патриархальной – по политической культуре. Но, несмотря на перечисленные факторы, политическая элита республики начала 1920-х гг. состояла из плеяды ярких личностей, имевших самый разнообразный жизненный и общественно-политический опыт. Оценивая положение в Татарстане и СССР исходя из своего богатого жизненного опыта и интеллекта, они выдвигали и реализовывали множество практических решений и программ как по национально-государственному строительству (придание татарскому языку государственного статуса, реализация татарского языка в государственных и общественных учреждениях, коренизация управленческого аппарата), так и по социально-экономическому развитию народов Татарстана (социально-правовое, экономическое и этнокультурное развитие народов республики и др.).

Если рассматривать татарстанскую элиту периода нэпа в аксиологическом плане, то следует заметить, что она не представляла собой сообщество самых достойных во всех отношениях представителей многоэтнического общества, обладавших наиболее выдающимися способностями. Эту элиту условно можно отнести к категории структурно-функциональной или прагматической политической номенклатуры, поскольку большая ее часть занимала руководящие позиции в системе ключевых политических и социальных инсти-

тутов, оказывала непосредственное влияние на принятие и реализацию важнейших решений. Причем уже в 1920-е гг. происходило прагматическое сужение понятия «элита» до понятия «партийная элита». С точки зрения структурно-функциональных особенностей она являлась идеологически объединенной элитой, и для нее были характерны такие специфические признаки, как:

- строгая иерархичность;
- формализованный характер отчетности высших слоев перед низшими;
- низкий уровень конкуренции и высокая степень циркуляции партийно-политической номенклатуры.

Советскую партийную элиту можно условно назвать закрытым цехом. Вхождение в ее состав осуществлялось на основе таких критериев, как партийность, политическая лояльность, социальное происхождение, стаж работы, образование, возраст, несудимость. В то же самое время самовоспроизводство политической элиты по принципу «крови» было ограничено. По неписаным законам дети высших руководителей Татарстана не наследовали посты своих родителей, для них, как правило, не создавались особые условия развития. Этому мешало то обстоятельство, что в советское время состав рекрутированной региональной элиты не был постоянен, поскольку она подвергалась достаточно частым горизонтальным и вертикальным перемещениям и перетасовкам. Высокопоставленные руководящие кадры в Татарстане через два-три года подвергались перетряхиванию.

К примеру, по нашим подсчетам, в течение 10 лет (1920–1930 гг.) в татарстанском руководстве сменилось 9 ответственных (первых) секретарей Татарского обкома РКП–ВКП(б), 5 председателей Президиума ЦИК и 5 председателей Совнаркома Татарской АССР, а также подверглась ротации значительная часть партийных и советских работников.

В эти годы распоряжением ЦК партии по представлению секретарей Татарского обкома РКП–ВКП(б) были рекрутированы в различные субъекты СССР многие видные татарские государственные и политические деятели. Среди них: председатели Совнаркома ТАССР К. Г. Мухтаров, Ш. Ш. Шаймарданов; председатели Президиума ЦИК ТАССР Р. А. Сабилов, Х. З. Габидуллин; наркомы: просвещения – М. Ю. Брундуков, земледелия – Ю. Н. Валидов; заместитель председателя Совнаркома ТАССР Г. Г. Мансуров; представитель Наркомата по делам национальностей РСФСР по ТАССР А. М. Енбаев. Многие из рекрутированных татарских ответственных работников, как бы отправленных на «вышестоящую руководящую работу», на новом месте часто не срабатывались, поскольку для них это окружение было чужим и этнически и культурно некомфортным. К примеру, Р. А. Сабилов, так много сделавший для Татарстана и татар, не смог продолжить свою руководящую карьеру в Москве: из высокопоставленного татарстанского руководителя он превратился в простого фрезеровщика Московского автозавода. Московская политическая эли-

та неохотно принимала в свои ряды рекрутированных из провинций лимитчиков. Подобное отношение к выходцам из Татарстана наблюдалось и в других регионах. Причем в Татарстане на политических рекрутов из татар смотрели более снисходительно, предпринимались попытки сработаться с ними.

Среди социально-политических причин частых вертикальных и горизонтальных перемещений, перетасовок высокопоставленных представителей номенклатуры институтов законодательной и исполнительной власти Татарстана следует назвать такие, как «националистическая строптивость», «оппозиционность», «инакомыслие», «нелояльность» к обкомовскому руководству, «партийный нигилизм», «неспособность сработаться». Только в течение трехлетнего периода руководства М. М. Хатаевича Татарским обкомом ВКП(б) (1925–1928 гг.) из Татарстана в другие регионы было выслано около 30 татарских высокопоставленных работников, хорошо зарекомендовавших себя в условиях республики. Причем политический остракизм этой номенклатуры часто был напрямую связан со сменой первого секретаря обкома, новый руководитель с приходом к власти, как правило, освобождался от старой команды, на ее место рекрутировались лояльные работники, часто присланные по разнарядке ЦК партии. Плохо знавшая исторические и этнокультурные особенности развития татарского народа и других этносов Татарстана, новая правящая номенклатура в порывах быстрой ре-

ализации решений советского руководства и Коммунистической партии допускала серьезные просчеты, тем самым она еще больше дестабилизировала политическую обстановку в республике. Кадровая чехарда усложняла процесс формирования работоспособной политической элиты и с каждым годом увеличивала в ней слой рекрутов-временщиков, готовых под давлением правящей номенклатуры отречься от своих идеалов и беспрекословно исполнять все задания правящих верхов. В результате в партию различными путями проникали карьеристы, авантюристы и садисты, которые прямо или косвенно дискредитировали Советское государство и его политическое руководство.

Эти рекруты-временщики широко использовались в 1923–1929 гг. – в период борьбы с так называемым «национальным уклоном» («султангалиевщиной», «групповщиной» и т. п.). С их помощью была проведена большая чистка руководящего состава государственного и партийного аппаратов Татарстана. В эти годы резко усилилось давление со стороны сталинской субэлиты на субэлиту республики – партийных и советских работников, интеллигенцию оппозиционного характера. Все партийные образовательные учреждения, призванные готовить кадры для партийной интеллигенции, были переформатированы на подготовку идеологических работников для чистки рядов партии и различных государственных структур, иначе говоря, рядов сложившейся политической элиты. Кроме того, все партий-

ные газеты и другие политические издания постепенно превращались из пропагандистско-информационных органов в политико-разоблачительные. Начальным вектором в разворачивании политических преследований представителей татарской политической элиты в Татарстане стало «дело М. Султан-Галиева» 1923 г. и активно проводимая вокруг него пропагандистская и клеветническая кампания. Партийная интеллигенция, симпатизировавшая старой татарской интеллектуальной элите, была поставлена в условия политической и социокультурной конфронтации с ней и начала выполнять функцию теоретического обеспечения этой задачи. Это было связано с тем обстоятельством, что татарстанская партийная интеллигенция была одновременно интеллектуальным центром элиты и частью ее властно-бюрократической группы. Это в конечном итоге порождало внутреннее противоречие: как интеллигенция она критиковала власть, но как ее составная часть поддерживала режим, который сама же и создавала. Это во многом объясняло и тот факт, что султан-галиевская оппозиция почти в полном составе раскаялась и вернулась в лоно политической элиты, правда, уже во второй ее эшелон.

Региональная политическая элита Татарстана, возглавляемая в основном рекрутированными из различных российских субъектов первыми секретарями, неохотно делилась властью с представителями иных социальных групп, будь то русскоговорящие татары или рус-

ские. Понятно, что рекрутированная партийная элита не представляла все остроту национального вопроса. Политическое руководство Татарстана, прикрываясь ленинскими национальными идеями, стало постепенно устанавливать в республике деспотию И. В. Сталина и подстраиваться под лозунги «вождя народов». Почти все решения, принимаемые по татарскому вопросу в Татарстане, строго контролировались Центром, а иногда и лично И. В. Сталиным. Его попытки (особенно в период М. М. Хатаевича) заново переформатировать местную элиту, игнорируя сложившиеся социальные сети, уже обнаруживали пределы кадровой ротации в Татарстане. К примеру, М. М. Хатаевич, чтобы как-то сгладить дефицит руководящих и идеологических кадров, умело маневрировал, подбирая в свою команду лояльных сторонников из малообразованных и политически неграмотных «твердолобых» коммунистов и советских работников, готовых выполнять все его поручения и идти на любые политические провокации «во имя Советской власти». Иногда он даже оплачивал их услуги из специальных средств. М. М. Хатаевич, пользуясь тяжелым финансовым положением многих представителей политического руководства Татарстана, то отталкивал татарских коммунистов от себя, то, наоборот, приближал их к себе, превращая последних в послушный инструмент своей антитатарской политической линии. Об этом свидетельствует достаточно яркое и емкое высказывание М. С. Сагидуллина:

«... Меня превращают в договорного коммуниста. Вот это и есть метод заключения активиста в плену. На этом пути я не один, в наших условиях каждый выдвигенец повторяет этот путь... Это ненормальная обстановка, которую необходимо ликвидировать... документ доверия превращают в «бессрочный паспорт» при помощи которого хотят держать нас в плену. Я вынужден бороться за партийное равноправие»¹.

Политическое руководство Татарстана было просто бессильно против перерожденческой стихии в рядах партии. Через определенное время у рекрутов-выдвиженцев возникали серьезные проблемы, поскольку они не обладали иммунитетом против нэповского бюрократического и социального перерождения. В их повседневной деятельности и быту стали проявляться определенные стремления к привилегиям, которые оправдывались их особой занятостью и политической ответственностью. Верхушка политической элиты постепенно начала превращаться в «духовную аристократию рабочего класса», а низы – в обывателей, подхалимов, куштанов, стукачей. В своей статье «О подхалимах и обывателях» М. С. Сагидуллин это явление образно охарактеризовал следующим образом: «Источником подхалимов является хозяйство рабов, крепостнические порядки, на Востоке – дворовая слуга, желающая угодить ишану и русским колонизаторам. В русской истории его источником является крепостничество, основанное на монастырских порядках: покорность и подчинение.

Подхалимы и куштаны [«образно партийная бюрократия». – Р.Ш.] Россию превратили в страну «молчалиных», в настоящее время у которых развязался язык. Они любят тех кто их защищает. Помимо своих обязанностей они сегодня помогают «заарканить» критику, бороться с демократами, мешают оздоровительным мероприятиям, а на собраниях первыми вносят предложение «не открывать прения» и голосуют за все предложение «удовлетворительно»².

От решения вопросов политической и социальной культуры представителей элиты зависело очень многое. Должна ли революция погибнуть от бескультурья масс, хозяйственной неустроенности населения и его политической элиты, от желания коммунистической и советской номенклатуры хорошо жить «здесь и сегодня»? Конечно, в условиях культурной и экономической отсталости Советской республики и ее национальных субъектов вопрос возможности привлечения на свою сторону всех реальных, действительно стоящих этого здоровых духовных сил низов в целях совершения глубинного социального переворота стал вопросом первостепенной важности. В. И. Ленин и его ближайшие соратники принадлежали к авангарду общественной мысли, идущему впереди. Разница между авангардом, имевшим высокий уровень, и низами, у которых отсутствовала элементарная грамотность, была поистине громадной. И в этом таилась главная опасность. Без решения проблемы культуры, только путем подъема грамотности низов и направления

их духовных сил в сторону новой власти, все революционные нововведения могли выродиться в одно из тех слепых уравнилельных движений, которые только расчищали почву, работая для других.

Это было особенно опасно, учитывая то, что представители старой гвардии в политической элите занимали незначительное место. К примеру, судя по данным 1925 г., в Татарстане только 2,2% коммунистов имели дореволюционный партийный стаж. 55,2% коммунистов вступили в ряды партии в 1924–1925 гг., 32,2% – в 1918–1923 гг.³ Политических и этнокультурных ресурсов татарстанской «старой гвардии» коммунистов явно не хватало для профессиональной подготовки нового поколения рекрутированных членов партии, численность которых в 1920-е гг. росла быстрыми темпами. К примеру, с 1 сентября 1922 г. по 1 декабря 1926 г. численный состав татарстанской партийной организации увеличился почти в 2,7 раза (с 3943 до 10282 чел.), в том числе членов партии – более чем в 1,7 раза (с 2815 в 1922 г. до 4944 чел. в 1925 г.), кандидатов в члены партии – в 4 раза (с 1028 в 1922 г. до 4270 чел. в 1925 г.)⁴.

Причем наибольший прирост членов партии в татарстанской партийной организации приходился на период так называемой политической кампании, известной как «ленинский призыв», когда в партию массово рекрутировались рабоче-крестьянские активисты исходя из ключевых принципов политических лозунгов «от станка» и «от сохи». С 1 фев-

раля 1924 г. по 1 января 1926 г. численность партийной организации Татарстана увеличилась более чем в 1,8 раза (с 5024 до 9214 чел.) При этом наибольший рост численности приходится на кандидатов в члены партии: в 2,7 раза (с 1581 до 4270 чел.)⁵.

Однако «ленинский призыв» значительно нарушил численный баланс между членами и кандидатами в члены партии. К примеру, в первом полугодии 1925 г. число кандидатов в члены партии значительно превышало количество членов партии. Таким образом, «ленинский призыв» превратил «элитарную» и относительно небольшую по численности партийную организацию в массовое и разрозненное политическое сообщество, плохо поддававшееся практическому и идеологическому руководству. Эта неправомерная деятельность по формированию нового кадрового корпуса партийной иерархии расшатала и без того непрочные устои политической элиты Татарстана. В результате на политическую вершину татарстанской власти вырвалось новое молодое поколение политических лидеров, не испытывавших колебаний и не сомневавшихся в методах достижения цели. В отличие от старшего поколения политической элиты, для которой были характерны большая умеренность, склонность к авторитаризму как в социально-экономической, так и в политической сфере, младшее поколение, имевшее за плечами небольшой опыт партийно-комсомольской работы, действовало с размахом, решительно, нахраписто,

авантюристично и безграмотно. Для молодых коммунистов, большей частью с комсомольским прошлым, были характерны также такие качества, как увлеченность революционным словоблудием и горлопанством, непримиримая борьба с «антисоветскими и эксплуататорскими элементами», особая «ненависть» к политической оппозиции, самовыдвижение с помощью различных политических пиар-кампаний против служителей культа. Кроме того, среди них были достаточно распространены такие асоциальные явления, как хулиганство и пьянство⁶.

Разумеется, в каждом из поколений есть разные люди, но различные асоциальные явления, как правило, сопровождали представителей младшего поколения элиты Татарстана, стремившихся жить «здесь и сейчас» и пренебрегавших стратегическим мышлением⁷. В то же время в результате массового набора в партию значительную часть ее членов стали составлять малообразованные и политически неграмотные рабочие «от станка» и крестьяне «от сохи», толком не разбиравшиеся ни в большевизме, ни в ленинизме, ни в социал-демократизме, но жадно стремившиеся к должностям в советско-партийных структурах власти и всегда готовые послушно проголосовать за генеральную линию ЦК и Татарского обкома ВКП(б). Самым распространенным «преступлением» в годы нэпа считалось мелкобуржуазное перерождение партийцев в форме хозяйственного обрастания. Наличие у коммунистов добротного имущества, нажитого своим трудом,

партийным руководством не только не приветствовалось, но и преследовалось, вплоть до исключения из рядов партии. Это еще больше усиливало неустойчивость политической элиты, поскольку экономически состоятельные ее члены не были в почете, в результате массово росли асоциальные явления среди советской и партийной номенклатуры.

В первые годы после образования Татарской АССР численность татар – членов партии была незначительна: на 1 сентября 1922 г. она составляла 1095 чел., или 28,5% от общего количества членов и кандидатов в члены партии⁸. В результате конкретных организационных мер в период «ленинского призыва» численность татар-партийцев увеличилась в 2,6 раза (с 1326 в 1924 г. до 3455 чел. в 1926 г.)⁹. Несмотря на численное преобладание татар (свыше 50% всего населения Татарстана), доля татар-партийцев в республиканской партийной организации к концу 1926 г., по нашим подсчетам, составляла не более 34%.

Массовый наплыв в партию татар в период «ленинского призыва» не способствовал созданию полноценной татарской политической элиты, радевшей о национально-государственных интересах татарского народа. Среди новых рекрутированных татар было много малообразованных и политически неграмотных коммунистов, жаждавших быстрого карьерного роста и обогащения. В большинстве своем они, вчерашняя крестьянская молодежь, в силу исторических традиций не обладали иммунитетом по отношению к поли-

тике великодержавного шовинизма, скрытно проводимой сталинским руководством, а также были не в состоянии рекрутировать кадровый корпус партийной иерархии.

Формированию полноценной татарской политической элиты в Татарстане также мешала групповая борьба между так называемыми «правыми» и «левыми», причем одна из этих групп могла участвовать в принятии политических решений, а другая – только влиять на этот процесс. Каждая из групп не имела своего явного лидера, являвшегося безусловным авторитетом и эталоном для ее членов. В то же время у них были и свои «группы интересов». Эти группы в той или иной мере были обособлены друг от друга, а порой даже враждовали между собой. Причем борьба между этими группами, сопровождавшаяся ожесточенными идеологическими дискуссиями, для большинства рядовых партийцев-татар была вообще непонятна. В результате они были готовы голосовать «за правильную линию обкома» по многим национальным и социально-экономическим вопросам. Оценивая проявления «групповщины» среди татарской политической элиты, М. С. Сагидуллин заявлял: «Татарский актив теперь вырос, что он может ставить себе более серьезные задачи, как борьба с великодержавным шовинизмом после длительной борьбы со своим национализмом». В то же время он признавал, что борьба «левых» против «правых» была несерьезной. Что главной задачей «правых» и «левых» была борьба не против русских, по

существо, а против диктатуры пролетариата¹⁰. При этом идейно-политическую борьбу Татарского обкома ВКП(б) против «правых» (националистов) М. С. Сагидуллин однозначно квалифицировал как жесткое проявление великодержавного шовинизма, направленное как против русских, так и против татар: «Нас отталкивают от русского актива, восстанавливают против нас русскую часть. Нас невольно ставят на путь оборонительного национализма, насильно сажают на сани местного национализма»¹¹.

Все ссоры и недружественные отношения в татарском политическом активе державной политической номенклатурой разжигались специально, чтобы дать возможность представителям ЦК или Татарского обкома ВКП(б) выступить в роли арбитра и поставить их на место. Один из современников и ярых противников политики М. М. Хатаевича и И. В. Сталина председатель Совнархоза Татарской АССР Щербинин на заседании бюро Татарского обкома ВКП(б), состоявшемся 11 ноября 1927 г., по этому поводу заявил так: «...Хатаевич ведет линию на отрыв отдельных националов, искусственно сталкивая их лбами. Наша задача дружно сотрудничать с националами, а не удерживать их за фалды. ... Татарский актив сознательно сталкивают лбами, чтобы секретарю лучше было командовать. Вы товарищ Хатаевич командуете и будете иметь подобные заседания. Национальные коммунисты... еще очень наивны и верят, что ЦК проводит правильную линию, а вот на местах искажа-

ют в целом в ряде вопросов решения предыдущих съездов, а в частности по национальному вопросу. Всякая попытка националов к самостоятельному решению насущных вопросов всегда расценивалась, как «групповщина», и все предпринимается для того, чтобы их дискредитировать, а в результате оргвыводы и путевка в хубы. Сколько за это время сплавлено отсюда татарского актива, вы об этом хорошо знаете»¹².

Таким образом, политическая элита Татарстана обладала сложной структурой и включала в себя разные по характеру рекрутирования группы, которые могли бороться друг с другом и вместе с тем выступать единым фронтом по отношению к Татарскому обкому и Центру. Октябрьская революция и Гражданская война привнесли в татарскую политическую элиту причудливое переплетение интернационалистских и традиционалистских тенденций, модернизацию по русскому типу и яростную классовую борьбу с антисоветскими и эксплуататорскими элементами, «воинствующий материализм». Политическая и этнокультурная коренизация, проводившаяся в 1920-е гг. в Татарстане, сочеталась с жестким подавлением всего, что

объявлялось связанным с «традиционным прошлым» или «этнонационализмом». Политика селективного поощрения отдельных аспектов татарской этнической культуры была направлена главным образом на культурную унификацию на основе русского языка и русской культуры, у которой собственно этнический компонент минимизирован. В результате административно-политическая группа, являющаяся субъектом подготовки, принятия и реализации важнейших стратегических решений в Татарстане, попала под полный контроль Татарского обкома ВКП(б). Конечно, в этих условиях в рамках единой партийной элиты не могли сосуществовать этнические субэлитные группы, поскольку они не могли сотрудничать между собой и образовать коалицию, чтобы оспаривать гегемонию партийного руководства и отстаивать свои политические, национальные и социальные интересы.

Публикация осуществлена в рамках мероприятия 3.5.4 государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 годы».

Сведения об авторе: Шайдуллин Рафаиль Валеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: srv60@yandex.ru.

Аннотация: В статье в историческом контексте анализируются общественно-политические события в Татарстане, связанные с эволюцией и рекрутированием политической элиты. Особое внимание в ней уделяется анализу социального базиса политической элиты и форм ее рекрутирования, а также политике остракизма, перемещения и перетасовки национальных кадров. Кроме того, в статье иллюстрируются некоторые критические оценки современников о деятельности партийных структур и отдельных высоставленных лиц Татарстана.

Ключевые слова: Татарстан, политическая элита, татарская элита, рекрутирование элиты, члены и кандидаты в члены партии, великодержавный шовинизм, политика остракизма национальных кадров, «групповщина».

Abstract: The article analyzes socio-political events in Tatarstan related to the evolution and recruitment of the political elite in a historical context. Special attention is paid to the analysis of the social basis of the political elite and the forms of its recruitment, as well as the policy of ostracism, displacement and shuffling of national cadres. In addition, the article illustrates some critical assessments of contemporaries about the activities of party structures and individual high-ranking officials of Tatarstan.

Keywords: Tatarstan, political elite, tatar elite, elite recruitment, members and candidates for party membership, great power chauvinism, policy of ostracism of national cadres, «grouping».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. П-36. Оп. 1. Д. 303. Л. 41.
- 2 Сагидуллин М. Ялагай Куштановлар кабиясе // Кызыл Татарстан. 1929. 7 августа; 10 августа.
- 3 ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 2. Д. 59. Л. 117 об.
- 4 Там же. Оп. 1. Д. 1347. Л. 5; Оп. 2. Д. 59. Л. 117; Оп. 2. Д. 351. Л. 68.
- 5 Там же. Оп. 2. Д. 59. Л. 117; Оп. 2. Д. 351. Л. 68.
- 6 Шайдуллин Р. В. Основные формы проявления пьянства в Татарстане в 1920-е гг. // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: сб. ст. итоговой научно-практической конференции (г. Казань, марта 2011 г.). – Казань: Ин-т татар. энциклопедии АН РТ, 2011. Вып. 3. С. 171–197; Шайдуллин Р. В. Распространение и проявление алкоголизма в татарской деревне в 1920-е гг. // Поволжский педагогический вестник. 2012. № 1(1). С. 56–60.
- 7 Шайдуллин Р. В. Идеологические основы и механизмы формирования номенклатуры ответственных работников в низовых Советах Татарстана в 1920-е гг. // История и культура России: актуальные проблемы (XIX – начало XXI века): сб. ст. / Отв. ред. А. С. Бушуев, А. Ш. Кабирова, И. И. Ханипова. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 71–88.
- 8 ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 2. Д. 351. Л. 68.
- 9 Там же.
- 10 Там же. Оп. 3. Д. 1049. Л. 103.
- 11 Там же. Оп. 3. Д. 1049. Л. 104.
- 12 Там же. Оп. 2. Д. 268. Л. 99.